

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

ТРИ ТЕТРАДИ

Военная лирика

1939~1942

Госиздат

1 9 4 3

Алексей СУРКОВ

Т Р И Т Е Т Р А Д И

ВОЕННАЯ ЛИРИКА

1939—1942

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы*

Москва 1943

McGregor

Софье Кривс

СЕВЕРНАЯ ТЕТРАДЬ

Шелестит за окном молодая листва,
Только стих мой сегодня на стуже продрог,
И, равняясь, встают на бумаге слова,
Что полгода я в сердце ревниво берег.
Голос долга настойчив и неотвратим.
Расскажу, как под ветром шумела тайга,
Как зимой по гранитным увалам крутым
Шли полки по горячему следу врага.
Есть и радость, и боль, и усталость в бою —
Горек дым беспокойных походных огней.
Друг поймет откровенную песню мою
И людей этой книги полюбит сильней.

* * *

С. А. Кривс

Время, что ли, у нас такое?
Мне по метрике сорок лет,
А охоты к теплу, к покою,
Хоть убей, и в помине нет.

Если буря шумит на свете —
Как в тепле усидеть могу?
Подхватил меня резкий ветер,
Закружил, забросил в тайгу.

По армейской старой привычке
Трехлинейка опять в руке,
И тащусь к чертям на кулички
На попутном грузовике.

Пусть от стужи в суставах скрежет,
Пусть от голода зуд тупой.
Если пуля в пути не срежет,
Значит — жив, значит — песню пой.

Только будет крепче и метче
Слово, добытое из огня.
Фронтовой бродяга-газетчик —
Я в любом блиндаже родня.

Чем тропинка труднее, уже,
Тем задорней идешь вперед.
И тебя на ветру, на стуже
Никакая хворь не берет.

Будто броня на мне литая,
Будто возрасту власти нет.
Этак сто проживешь, считая,
Что тебе восемнадцать лет.

* * *

Домик наш мал. Продырявлен пулями. Около
Бьют батареи, за озеро, круглые сутки.
С жалобным звоном сыплются битые стекла.
Жесткое шарканье валенок. Иней. Дым самокрутки.

Мы здесь, как дома. Оружие на руки выдано.
Время замкнулось в порядок размеренно-строгий.
Все, что казалось романтикой, стало обыденно.
Боем кончается день, начатый криком тревоги.

Стелется дым от костров над крутыми обрывами.
Падают бомбы. От взрывов снега почернели.
Глаз наметался по вспышкам следить за разрывами,
Ухо привыкло к звенящему лёту шрапнели.

Кто нам предскажет, какими путями-дорогами
Выйдем к победе в лесной глухомани и стуже?
Враг норовит измотать, обессилить тревогами.
Что же! Посмотрим, чьи нервы покрепче, чья хватка
погуще...

* * *

Лица в ожогах мороза, бессонницей долгой измяты.
Радости, скорби, печали замкнуты в тесном кругу.
Снова железными дятлами в чаще стучат автоматы,
Снова, сжимая винтовки, лежим на шершавом снегу.

И нарастает волнение до нервного тика, до боли.
Посвисты пуль над окопом. Тусклые вспышки в лесу.
Встали бы в рост на поляне! Вышли в атаку бы, что ли!
Мы бы рванулись навстречу, штык вынося на весу.

Сдвинута набок литая каска на ближнем соседе.
Невозмутимо спокойна эта большая спина.
Он не торопится. Знает — враз не прорваться к победе,
Вытерпеть, выдюжить надо. Тяжко? На то и война.

* * *

Друг мой! В таежной ночной тишине
Вспышки ракет осветили окно.
Ты на минуту нагнись ко мне;
Я тебе слово скажу одно.

Если порвет пулеметный дождь
Жизни моей непрочную нить, —
Вынь мое сердце! Ты в нем найдешь
Песню, которая будет жить.

* * *

Сердце бьется тревожно. Ко мне
Снова мать приходила во сне.
Будто в детстве, тиха и светла,
Целовала, куда-то звала.

Слыша взрывы сквозь сон, за стеной,
Я ответил печальной, родной:
«Не зови меня, — погоди.
У меня еще жизнь впереди».

* * *

Дорогая, хорошая, сердце мое!
Как медлителен времени бег!
Третий раз эта ночь поднимает в ружье
И бросает на черный снег.

Успокоилось. Лег. Задремал слегка.
Вижу в дымке поволжский плес.
Слышу шелест шагов. И твоя рука
Чуть коснулась моих волос.

Мы над волжским простором вдвоем стоим.
В складках туч проступил рассвет.
И молчаньем твоим, и дыханьем твоим
Я на свежем ветру согрет.

Журавли улетают на юг в вышине.
Разве мы их вернем назад?..
Вновь команда: «В ружье!» Опять по стене
Хлещет крупный свинцовый град.

Если снайпер чужой облюбует меня,
Гряну навзничь, руки вразброс,
Вспомни крик журавлиный, рождение дня,
Ветер, молодость, волжский плес.

* * *

Он не стонал. Он только хмурил брови
И жадно пил. Смотрели из воды
Два впалых глаза. Капли теплой крови
В железный ковш стекали с бороды.

С врагом и смертью не играя в прятки,
Он шел сквозь эти хмурые леса.
Такие молча входят в пекло схватки
И молча совершают чудеса.

Жизнь в этом доме больше не жилища.
Здесь смерть проходит, костылем стуча.
Из фонаря оплывшая свеча
Чуть освещает пасмурные лица.

Сюда приносят тех, кому не встать.
В пазах белеет снеговая проседь,
И дверь скрипит сухой сосне подстать.
За эту дверь покойников выносят.

Войдя однажды в эту тишину,
Увидя смерть в обыденном обличьи,
Ты, задрожав, почувствуешь войну
Во всем ее трагическом величьи.

* * *

Звенит под лыжами стеклянный наст.
По перелеску выстрелы блеснули.
Мы под огнем. И кто-нибудь из нас
Не обойдет летящей финской пули

И навзничь рухнет в редком сосняке.
И потускнеет взгляд под бровью строгой,
И только чье-то сердце вдалеке
На эту смерть откликнется тревогой.

Есть высшее из всех гражданских прав:
Во имя жизни встретить ветер боя
И, если надо, смертью смерть поправ,
Найти в огне бессмертие героя.

* * *

Пусть железо сечет с высоты.
Кто нас может со смертью сдружить?
В час атаки у смертной черты
Лишь неистовей хочется жить.

* * *

Было холодно, было невесело.
Злился ротный, кусая усы;
По дорогам пурга куролесила;
Тонко выли за озером псы.

И стучали часы, как кузнечики;
И костер дотлевал в шалаше.
Но ввалились с мороза разведчики,
Сразу стало теплей на душе.

От беседы, от жидкого чая ли
Растопилась ночная тоска..
Мы их видеть живыми не чаяли,
А они привели «языка».

* * *

В три часа пополуночи подняли взвод.
Он ушел в неизвестность, в беззвездную тьму.
На рокадной ¹ дороге чужой пулемет
Бросил синие трассы навстречу ему.

Полевой телефон не смолкал до утра.
А к рассвету, как снежный обвал, как волна,
Из тайги долетели раскаты «ура!»
И по следу атаки прошла тишина.

Мы там были в начале неяркого дня.
Было пусто и тихо. Лишь кровь на снегу,
Да сумятица многих следов, да лыжня,
Торопливо бегущая в чашу, в тайгу.

¹ Р о к а д а — пограничная стратегическая дорога.

* * *

Белый снег мели халаты белые.
Взрывы рыбу черпали со дна.
Егеря кричали, ошалелые,
Пьяные от крови и вина.

Но в лесу, под елями мохнатыми
Окопались горные стрелки,
Отбивались яростно гранатами,
Поднимались ротами в штыки.

День сменился сумерками мглистыми.
В полыньях покрылась льдом вода.
И когда над падами лесистыми
Проступила первая звезда

И зажглись полярных радуг полосы,
В штаб вбежал курносый паренек,
Задыхаясь и крича без голоса:
«Побежали... Гоним!.. Ну, денек!..»

* * *

Осторожно пощупал — кисет не промок,
Вынул бережно щепоть махорки,
Завернул, закурил. И поднялся дымок,
По-домашнему теплый и горький.

Черным дегтем внизу клокотала река.
В белом инее стыла береза,
По холодному небу текли облака,
Может быть, от родного колхоза.

Он устало присел на подрубленный ствол,
Возле самого края обрыва,
А по мосту, который он за ночь навел,
Горный полк проходил торопливо.

Грохотали орудия разных систем,
Шелестели по наледи шины.
Он сидел, и курил, и завидовал тем,
Кто ведет боевые машины.

Завивался и таял табачный дымок,
Как тепло задушевной беседы.
Он был плотник. И было ему невдомек,
Что за ним половина победы.

* * *

Снегом нашу углую обитель
Заметает ветер на юру.
С басовитым ревом истребитель
Низко пролетает поутру.

Как там вьюга вихри ни крути,
Истребитель мчится с лесом вровень.
Мы тебя узнали, друг Коровин¹,
Ждем с победой. Доброго пути!

¹ К о р о в и н — лейтенант, лучший летчик-истребитель ухтинского направления.

* * *

Еловая ветка, в костре догорая,
Подернулась пеплом. Не видно ни зги.
И кажется, нет ни конца и ни края
У полночи этой, у этой тайги.

Не спится сегодня комбригу седому.
Он слышит, как снег шелестит на сосне,
Как юноша-летчик, тоскуя по дому,
«Марусенька... Маша...» — шепчет во сне:

Мы знали комбрига. Бесстрашен, спокоен
Он был на привалах, в походе, в бою.
Но вспомнил суровый, испытанный воин
Далекую, буйную юность свою.

Припомнил таежное мшистое ложе,
Друзей у костра, партизанский привал,
Припомнил, как бредил он девушкой тоже
И тоже Марусей ее называл.

Дозор по тропинке прошел осторожно.
Взметнулась ракета, потемки дробя.
Комбриг приподнялся и вздрогнул тревожно —
За юношу-летчика, не за себя.

* * *

Кружилась метель возле тощих берез,
Свивала в жгуты серебристую пыль,
И ветер нежданно из лесу принес
Знакомую песню, поволжскую быль:

Как Волга-река по весне, в тишине,
В крутых берегах, извиваясь, текла;
Как, плавно качаясь на зыбкой волне,
Разбейничья легкая лодка плыла;

Как в шене и брызгах играло весло;
Как в терем вернулся разгневанный муж...
Какими судьбами тебя занесло
С Поволжья в таежную финскую глушь?

Был голос поющего звонок и чист,
То птицей взлетал, то в метели тонул.
Шагал целиной ярославец-связист
И с песней меж елками провод тянул.

* * *

Мандолина выводит тоненько, тоненько
С переборами гопака.
Не смущает веселого, ладного конника
Перевязанная рука.
Пусть чужие дозорные шляются около,
Пусть над озером ветра вой,
Он летает по кругу соколом, соколом
С гордо поднятой головой.
И мигает в такт коптилка неяркая,
Язычок змеиный деля.
И по черному полу, шаркая, шаркая,
Пишут валенки вензеля.
И за стенкой гремят, как удары молота,
Залпы спрятанных батарей...

Хорошо мне сегодня, просторно, молодо
В этом братстве богатырей.

* * *

Тела друзей разметаны во сне.
На валенках сапера сохнет глина.
И рядом с автоматом, на стене,
Безмолвная, уснула мандолина.

А я не сплю. Под шум тайги седой
Я слышу шелест мерного дыханья.
Передо мною пестрой чередой
Далекие текут воспоминанья.

От песенки, пропето́й невзначай,
От пляски, своевольной и задорной,
Вином прошел по жилам жидкий чай,
Каморка наша сделалась просторной.

Нас в этот братский, тесный круг свела
Одной любви и ненависти сила,
И полночь у разбитого стола
Беседой тихой дружбу закрепила.

Иссякло сало в тусклом ночнике.
Не спится мне... Все кажется, что рядом:
Скуластый лыжник ходит налегке,
Сбивая снег с кустарника прикладом.

Умолкли пушки. Тьма и тишина.
За дверью лес настороженный, строгий.
Спят юноши... Пусть крик ночной тревог
Не прозвучит и не нарушит сна.

* * *

Поднимаясь за облако круто,
Истребитель гудит в вышине.
Эшелоны по южным маршрутам
Пробегают в ночной тишине.

На теплушках узоры из хвои —
Близкий сердцу армейский уют.
Это с севера едут герои
Наши, песни в дороге поют.

За платформой, у самого края,
Бесконечный ромашковый плес,
Грустно слушаю, как, замирая,
Удаляется дробот колес.

Ветер. Ночь. Путевые огни.
Водокачка. Тень семафора.
Песня! Ты их в пути догони
И скажи, что встретимся скоро.

*Северная Финляндия.
Суомуссальми, XII, 1939*

Полк вступает в войну

Вот здесь начинались
Истории нашей страницы.
День короток, сер,
А ночь бесконечно долга.
Пылают костры
От карельских озер до границы.
Потоки шумят,
И ропщет под ветром тайга.

Поджарые лоси
Косятся на звездные шлемы.
Подальше от шума
Уходит в труппы зверье.
Устав от работы,
Лежим на промерзлой земле мы,
Готовые к бою
По первой команде: «В ружье!»
Звезда не блеснет,
Не прорежется месяц двурогий.
И скучно и зябко
Меж елок березке нагой.
Мы ночью и днем
Пробиваем сквозь чащу дороги.
Киркой, топором и лопатой
Воюем с упрямой тайгой.

Тайга валуны громоздит,
Под напором полка отступая,
Бросает нам под ноги
Толи зыбучих болот,
И ноги в ознобе,
И боль в пояснице тупая.
А взвод наступает,
А взвод, наступая, поет:

«Костры на таежных привалах горят,
Ложатся деревья под пилами в ряд.
Звенит на морозе проворный топор.
Работай, работай, работай, сапер!

Увалы и камни на каждом шагу.
Чем глубже в тайгу, тем ближе к врагу.
Под песню дружнее веселый напор.
Работай, работай, работай, сапер!»
Стрелкам и саперам
Любая работа по росту.
Дружнее наляжешь —
И выдюжишь бремя, не сдашь.
Так прадеды наши
Карабкались к Чортову мосту,
Так наши отцы
Штурмовали соленый Сиваш.

Грохочут по гатям
Тяжелых машин вереницы
В краю, где конем не проехать,
Пешой не пройти.
Сквозь топи болот,
По угрюмой тайге, до границы,
Легли километры
Пробитого нами пути.

Чужая застава
За просекой — вот она — рядом.
Обманчива ночь,
И лжива в тайге тишина.
Рассыпалась в небе ракета,
И первым снарядом
Над горным полком
Протрубила в потемках война.

В новогоднюю ночь

Иней белыми хлопьями лег на стальные штыки,
Жжет дыханье метели. Полярная стужа остра,
Москвичи, поволжане, калининцы, туляки,
Богатырской семьей мы сошлись у лесного костра.

Как прекрасны в суровой своей простоте
Освещенные пламенем лица походных друзей.
Осторожно проходит дозор в темноте.
Шелест ветра и снега глухнет в железной грозе.

Мы сидим над походным костром, голова к голове.
В новогоднюю ночь вспоминаем недавние были.
Сердце слышит: далеко, далеко, в Москве,
Под кремлевскими звездами, звонко куранты пробил

Пламя пляшет по хворосту. Чай в котелках закипел.
Сдвинем кружки теснее! Консервные банки откроем.
Встал наводчик-туляк и вполголоса песню запел
О тайге и пурге, о просторах, покорных героям.

Встань с наводчиком рядом! Запев на лету подхвати!
Теплый ветер отчизны коснулся заснеженной ели.
С этой песней мы шли, пробивая в трущобах пути,
Эту песню мы вместе под финскими пулями пели.

Встань к востоку лицом! Там, в густой пелене непогод
Наши села, заводы, забои, подземные лавы.
Здравствуй, новый, зовущий на подвиги год!
Мы тебя начинаем под сталинским знаменем славы.

Юнгус Рамта-Ухта, XII, 1939

Баллада о политруке

*Светлой памяти Героя Советского Союза
Кесаря Федоровича Андреева*

Тайга и снега и озерный лед,
И в хмурых лесах вражье.
В тот памятный день внезапный налет
Разведчиков поднял в ружье.

Дрожал в орудийном грохоте лес,
Орал офицер: «Скорей!»
На батарею неистово лез
Отборный отряд егерей.

Скользили стрелки по шершавой коре,
Скрываясь за каждый ствол.
Сквозь лес, по сугробам, на гром батарей
Нас Кесарь Андреев вел.

Чужой пулемет поливал свинцом.
Редел наш неровный строй.
У самого хутора в снег лицом
Упал политрук-герой.

И зная, что близок последний час,
Что смерть стоит на чеку,
Сказал он отважнейшему из нас
Разведчику-смельчаку:

— Товарищ Васильев, на фланг батарей
Идут егеря в обход.
Наган мой, гранаты возьми скорей
И взвод выдвигай вперед.

А мне не дожидаться победного дня.
Глаза застилает муть.
Повыше, друзья, поднимите меня,
Подалее дайте взглянуть.

Мы подняли друга. Лицом к врагу
Привстал наш товарищ, брат.
Увидел озера, снега, тайгу,
Холодный финский закат...

Товарищ на наших руках угас,
О родине говоря.
Мы яростно бились в тот день. От нас
Бежали вразброд егеря.

Есть маленький хутор в краю лесном,
Тайга и снега вокруг.
Там спит непробудным, последним сном
Товарищ наш политрук.

Муртавара, 26.I.1940

Смерть Крохмалева

Снова бой на рокаде. Снова
Кровь и взрывы в снежной пыли.
Вот на этот раз Крохмалева
Батарейцы в штаб принесли.

Каска смята... В крови солома.
Пулей жизнь дотла сожжена.
А его возле Тулы, дома,
Поджидали мать и жена.

Я его заметил сразу
У лафета, в тайге седой.
Был он русский, голубоглазый,
Был он сильный и молодой.

В полный рост перед вражьем строем
Встав у пропасти на краю,
Лейтенант Крохмалев героем
Принял смерть в лобовом бою.

Мы зарыли его на опушке.
Запустила его пурга.
Грохотали салютом пушки,
Без пощады разя врага.

Вылетала шрапнель со свистом
Из нагретых стальных стволов.
Был отважным артиллеристом
Батарейный наш Крохмалев.

Чуть в затишье остынут пушки
И взойдет луна в синеве.
Мы напишем его старушке
И его молодой вдове.

Мы напишем, что в ратном споре
Пал их сокол смертью бойца;
Что жены и матери горе
Опалило наши сердца.

Где найти нам такое слово,
Что осушит вдовью слезу?

.....
Выстрел. Выблеск ракеты. Снова
Встав у пушек, несем грозу.

Похороны комиссара

Светлой памяти А. Н. Карташева

Товарищу было тридцать лет.
Вперед его жизнь звала,
Но пуля пробила партийный билет,
Под самым сердцем прошла.

И он уходил в предсмертную тьму,
Как парус уходит в ночь.
И лучший из наших хирургов ему
Хотел, но не мог помочь.

Он знал, что умрет, и не клял судьбу,
Товарищ наш боевой.
Лежит он в сосновом своем гробу
Задумчивый, как живой.

Кумач да миткаль, солдатский уют.
Строги, холодны штыки.
А пушки без умолку бьют да бьют,
А в небе гудят «ястребки».

Качается гроб на руках бойцов,
Тяжелой крышкой прикрыт.
Веселый товарищ Алеша Ельцов
Вот-вот заплачет навзрыд.

Дорога зменится, как рыжий выюн,
И нет ей конца вдали.
Широкая просека. Черный валун.
Граница родной земли.

Над самой могилой стихли шаги,
Лишь трубы рыдают скорбя.
Вот здесь, на границе карельской тайги,
Твой полк похоронит тебя.

Трехкратно над гробом салют прогремел,
Горнист протрубил отбой,
И каждый сказал, как мог, как умел,
Последнюю речь над тобой.

Ушли мы в гремящее пекло войны,
Куда нас присяга звала.
А к вечеру тень медностволой сосны
На желтый холмик легла.

В апреле весна зашумит вокруг,
Сквозь глину пробьется трава.
Спи с миром, наш комиссар и друг.
Слава твоя жива!

Николай Майборода¹

Это было в тридцать девятом
В снежном месяце декабре,
В перелеске, от пуль щербатом,
Возле озера, на горе.

На шрапнель, по далекой цели,
Батарея била с утра,
А к полудню вдруг налетели
Улеборгские юнкера.

Тут мы встали у края смерти.
Ветер снег метет помелом.
Бьем в упор, а они, как черти,
Лезут, пьяные, напролом.

Талалакают: «Эла! Эла!»
Прут с прогалины, прут с горба,
Как ни кинь, а выходит дело —
Батарее нашей труба.

Полк ославить кому охота?
Нас прикончат — другим беда.
И встает впереди расчета
Наш товарищ Майборода.

Поднимается коренастый,
Будто тесно ему в лесу,
Продирается в ельник частый,
Пулемет несет на весу.

¹ Николай Майборода — начальник орудия пятой батареи Н-ского артполка. Награжден орденом «Красное Знамя».

Продирается в реве, в гуле,
У врагов своих на виду,
И не смсют финские пули
Тронуть нашего Майбороду.

Он врывается в цепь с разбегу,
А за ним, как ветер, легки,
В белой пене рыхлого снега
Батарейцы идут в штыки.

Только мы подошли поближе,
Только стали кричать «ура»,
Наутек наострили лыжи
Улеаборгские юнкера.

Растеряли свой говор шалый
На лесной тропе господа.
Вот какой он бедовый малый,
Комсомолец Майборода!

Ночники

Темно. Как будто в целом свете
Ни очага, ни огонька.
С размаху бьет навстречу ветер,
Проходят низко облака.

А там, внизу, пылят метели,
И на озерном берегу
На стуже коченеют ели,
Как в белых саванах, в снегу.

А там, внизу, по перелескам,
Где голый лед, где вой пурги,
Стоят друзья под ветром резким
И в норы прячутся враги.

Чуть не касаясь снежных елей,
Сквозь облака и злую муть,
В полночный час к далекой цели
Звено прокладывает путь.

Напевом петым, перепетым
Гудят моторы. В темноте
Зеленым, фосфористым светом
Мерцают цифры на щите.

Как под слепящим снегопадом
Пробить потемки и пургу?
Как заприметить зорким взглядом
Три домика на берегу?

Но долг есть долг. Ему подвластны
Сердца, приборы и глаза.
Над озером, в ночи ненастной,
Гремит железная гроза.

Навстречу бьют в упор зенитки,
Дырявят плоскости и руль,
По небу огненные нитки —
Следы трассирующих пуль.

Бьют пулеметы слитным шквалом
По тусклым вспышкам батарей.
На озере багряно-алом
Чернеют трупы егерей.

В обратный путь, над хуторами,
Звено уходит в ночь, в пургу,
Горят багряными кострами
Три домика на берегу.

Валентина

Не тебя ль подруги называли —
Валентина Плющ, Валюша, Валя?
Ты в наш полк, светла и весела,
Ласковое имя принесла.

Там, где ветви пулями звенели,
По снегам угрюмых финских пущ,
С нами рядом в шлеме и шинели
Ты проходишь, Валентина Плющ.

Лунный луч мерцает в снежной раме.
Затаились темные леса.
На ночном привале над кострами
Слышишь ты родные голоса.

Ни поляны, ни тропы звериной,
Где ты, приднепровская земля?
Где ты, теплый ветер Украины,
В соловьях и звездах тополя?

Жгуч звенящий на морозе воздух.
Крылья елей просятся в полет.
Кажется, что на высоких звездах
Синей кромкой намерзает лед.

Гладь ночного озера пустынна.
Задремать бы хоть на час в тени.
Валенька, Валюша, Валентина,
Потерпи до света, не засни.

Серый день был пулями разбужен.
Чуть курилась снежная пыльца.
Вокруг полка затягивался туже
Узел взрывов, злобы и свинца.

По крутым сугробам перелеска
Белая метелица мела.
Над окопом в рост поднявшись резко,
Ты в атаку роту повела.

Ты под пули молодость носила
За Москву, за Киев, за Донбасс.
Знали мы, что никакая сила
В этот час не остановит нас.

Мы тебя по имени назвали —
Друг, сестра, товарищ ратный Валя.
Ты в наш полк, светла и весела,
Ласковое имя принесла.

Подарок

Мать сказала, провожая:
— На дороге не стою.
Только, милая, родная,
Береги себя в бою...

Я старушку дорогую,
Расставаясь, обняла
И фуфайку шерстяную
Самовязную взяла.

Елок острые верхушки.
Дни тревоги и труда.
Я слова своей старушки
Вспоминала не всегда.

Много раненых, и каждый —
Сын моей родной земли...
В санлинейку к нам однажды
Лейтенанта привели.

Помню боль под строгой бровью.
Хмель кудрей увял, пожух.
Помню залитую кровью
Гимнастерку и кожу.

Сбила корку ледяную,
Кровь бинтами уняла,
И фуфайку шерстяную
Лейтенанту отдала.

Он опять ушел с отрядом
В лес, где ветер и гроза.
На прощанье теплым взглядом
Робко глянул мне в глаза.

Эту встречу вспоминая,
В одиночку погрустишь..
Ты ведь женщина. родная.
Ты поймешь, и ты простишь.

Сестра

За горой батареи всю ночь говорят.
Под горой палатки построились в ряд.
Над палатками крупные звезды горят,
Далеко-далеко до утра.
Ты устала, сестра?

Вздохи. Тиканье ходиков. Тихая речь.
Ты не можешь прилечь, ты не хочешь прилечь.
Столько братьев! Их надо пригреть, поберечь.
Ночь без края, а боль под бинтами остра,
Чем ты боль успокоишь, сестра?

Ты подходишь ко мне, как товарищ, как друг.
Мне тепло от касанья заботливых рук.
Мать, сестра и невеста мне вспомнились вдруг,
Будто с ними встречался вчера.
Стало легче, сестра.

Ты идешь вдоль палатки не в сотый ли раз?
Мы тебя провожаем десятками глаз.
В эти ночи ты думаешь только о нас.
Сутки к суткам — сегодня, вчера,
Ты нам светишь, как солнце, сестра.

Мы с тобой породнились под смертным дождем.
Отлежимся. Поправимся. Подождем.
Встанем на ноги. Снова в атаку пойдем.
На привале в лесу, у костра,
Мы тебя не забудем, сестра.

Хиликко-Рэболы, 7—III.1940

ПЕРВАЯ ЗАПАДНАЯ ТЕТРАДЬ

* * *

Детей не ждет тепло родного крова,
В наплывах крови мертвая трава.
И вот в мои стихи приходят снова
Прямые и жестокие слова.

Нет твари бессердечней и бесчестней,
Чем злобный Гитлер, враг моей земли.
О, если бы поэты гневной песней
Врага, как сталью, поражать могли!

Всю ненависть, что в сердце накопела,
Прямым ударом, наотмашь, сплеча,
Как сталь кинжала, я вонзил бы в тело
Пресыщенного кровью палача.

Но песне быть кинжалом не дано...
Шагай же, песня, с воинами вместе!
Пусть ненависти горькое зерно
В сердцах бойцов взойдет ростками мести.

Лишь в день победы мы вздохнем свободней,
В цветах увидим родину свою.
Во имя этой радости сегодня
Я месть, и гнев, и ненависть пою.

* * *

Лес притаился, безмолвен и строг,
Звезды погасли, и месяц не светит.
На перекрестках разбитых дорог
Распяты взрывами малые дети.

Глохнут проклятья истерзанных жен.
Угли пожарища теплятся скупю.
Воздух разбитых траншей заражен
Приторным тленьем забытого трупа.

Замкнут страданья народного круг.
Ржавчину горя не смоешь слезами.
В ужас сожженных домов и лачуг
Смотрит убийца пустыми глазами.

Руки убийцы в крови и грязи,
Ржет он, клыки пожелтелые щеря.
Мститель, над пламенем встань! Порази
В черное сердце пьяного зверя.

* * *

Толпы людей без конца и числа
Шли нам навстречу в предутренней ранн.
Помню: старуха козленка вела,
Девочка в тонких ручонках несла
Маленький чахлый кустик герани.
Гнал их из города ужас ночной,
Пламя ревело за их спиной.

* * *

Дороги дальние пыльны...
Устали. Скоро ли вода?
Где гложут голоса войны,
Где в поле взмахи жней дружны,
От фронта, в глубину страны,
Народ ведет свои стада.
Сидят доярки на возах,
Идут понуро старики.
И скорбь и нежность в их глазах,
Как темный омут, глубоки.
Слеза не скатится с ресниц
На придорожный краснотал.
С кольцом в ноздре шагает швиц,
Идет за возом симментал,
И вслед за матками пылят
Ватаги дымчатых телят.
Июльский день идет к концу.
Стрекочет триер на току.
Пастух пугливую овцу
Выносит в брод через реку.
Он смотрит долго на закат,
В туман, в бескрайные поля, —
Там теплый мир отцовских хат,
Его сады, его земля.
Пылят усталые стада.
Блеснула первая звезда.
Пастух на берегу реки
Стоит, сжимая кулаки.

* * *

Пройдя сквозь строй железных гроз,
Узнав, что дом с семьей сгорел,
Он от невыплаканных слез
Лицом и сердцем почернел.
Под елью он сидит в тени,
У ног его бежит река.
В глаза товарищу взгляни,
И ты поймешь, как месья сладка.

* * *

Он мне сказал, отходя ко сну:
— Черные тени в глазах рябят.
Только забудусь — вижу жену,
Только забудусь — вижу ребят.
Мертвые дети мерещатся мне.
Дрожь пробегает с волос до пят.
...Вот почему в ночной тишине
Крепкие зубы его скрипят.

* * *

Сказав убитому: «Лежи, дружок!»
Он к двери привалил тяжелый камень.
Большими недрожащими руками
Он кровный дом со всех сторон поджег.
Скрываясь в ночь, он слышал вой, и крик,
И посвист пуль над переспелой рожью.
На грани дня взлохмаченный старик
В лесной отряд пришел по бездорожью.
Он все решил Прекрасна и грозна,
Его ведет народная война.

* * *

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обет
Беспощадно, яростно казнить
Тех людей, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?

В пустых дворах бездомный ветер рыщет.
Повалены заборы и плетни.
Взгляни, боец, на эти пепелища,
На эти трупы черные взгляни.

Горька гримаса боли неживая,
И налит гневом неподвижный взгляд:
То мертвецы, о мщении взывая,
Живому быть безжалостным велят.

* * *

Грузовики, рыча, неслись куда-то,
Валялись трупы беженцев в пыли,
Два пехотинца пленного солдата
С передовых в армейский штаб вели.

У самого шоссе, воронку вырыв,
Убила бомба четверых ребят,
И, побледнев, один из конвоиров
Занес над немцем кованый приклад.

Другой взглянул в глаза и понял сразу,
И на плечо легла его рука.
— Уйми себя... Не надо... По приказу
Мы в штаб живым доставим «языка».

Был день. Был зной. Горела ярко хата.
Вой «Мессершмиттов» замирал вдали,
Два пехотинца пленного солдата,
Скрипя зубами, по шоссе вели.

* * *

Опять этот долгий прерывистый вой
Возник в облаках над моей головой.
Впиваются пальцы в сухую траву:
Летят самолеты врага на Москву.
Товарищ мой, стиснув виски, говорит:
— Алеша, в груди моей сердце горит!
Зачем ты, природа, мне не дала
Широкие дерзкие крылья орла,
Чтоб ринуться в в звездную высь, как гроза,
Чтоб коршунам вырвать пустые глаза,
Чтоб сильным крылом, как могучей стеной,
Прикрыть в эту полночь город родной!
Товарищ другой приподнялся слегка,
Петрогал холодные грани штыка,
И мы услышали глухие слова:
— Клянусь тебе жизнью, родная Москва,
За кровь на асфальте, за женщин в слезах,
За ужас в бессонных ребячьих глазах,
За взорванный бомбами детский уют,
За каждый кирпич, что они разобьют,
За каждый квартал, укутанный в дым,
Мы страшной расплатой врагу воздадим!

* * *

Как птиц к разбитому гнездовью,
К руинам вас влечет война.
Опять земля еврейской кровью
На сотни верст обагрена.
Вот женщина под ношей горя
Сломилась, встала при пути.
Куда ей, с черным роком споря,
От этих пепелищ итти?

Над серым пеплом встань, Рахиль.
Стряхни с одежды ветхой пыль.
Не плачь, не сегуй на крови.
Взгляни — тоску веков развеяв,
Встал мститель, сын твоей любви,
Красноармеец Гирш Ле
Потомок гордых Макк:

* * *

Враг вошел в мой дом и разбил
И развеял в пыли дорог
Все, что я растил и любил,
Как зеницу ока берег,

За тяжелый топор отца
Я во имя любви берусь
Быть безжалостным до конца
Я клянусь тебе, Беларусь!

Невидимкою ночь и день
По горячим следам врага
Неотступно ползу, как тень,
Сквозь трущобы, через луга.

Я пойду по его следам,
Пулей встречу из-за плетня,
Я покоя ему не дам,
Сердце ужасом леденя.

И воздаст ему кровь за кровь
Мой не знающий меры гнев,
За разрушенный отчий кров,
За потоптанный мой посев,

За взращенные мной сады,
За короткий сыновний век
И за каждый глоток воды
Из моих белорусских рек.

Над выжженной землею пыль клубится.
На пепелищах пляшет воронье.
Народам мира ты, народ-убийца,
Что скажешь в оправдание свое?
Где ты прошел, там кровь и трупов горы
И явь страшней, чем бредовые сны.
Кто звал тебя в цветущие просторы
Свободной, мирной, солнечной страны?
Иссякла сила духа, что взрастила
Плеяду светлых гениев земли.
На смену им пришел дикарь Атилла,
И внуки волчьей шерстью обросли.
Где ты прошел, там слезы, кровь и злоба,
И проклят миром твой разбойный род.
Когда б великий Гете встал из гроба,
Он не узнал бы свой родной народ.
Подслушав сердцем жалобы и стоны
В кромешной тьме коричневых ночей,
Он проклял бы родительское лоно,
Извергнутое убийц и палачей.

В смертном ознобе под ветром трепещет осина,
Окна распахнуты настежь. Темная хата пуста.
Мать причитает над трупом убитого сына.
Вдаль, без пути, без дороги тихо бредет сирота.
Ворон-могильщик, от пепла горячего серый,
Падает в черную ночь с обгорелых ворот...
Пламенем, сталью и мстью, не знающей меры,
Будет платить по кровавому счету народ.
Ненависть в сердце, как порох сухой, пронесли мы,
Скоро окрепнут морозы. В поле завоюет пурга.
Вонны-мстители встанут, яростны, неумолимы,
Грозной, карающей силой выйдут по следу врага.
Будет земля под ногами врага расступаться.
Мстящее пламя пройдет от стрехи до стрехи.
Горе вам, девушки Шлезвига, Шварцвальда, Граца!
Не возвратятся с Востока в свадебный день женихи.
Смерть их настигнет в каждом лесу и долине,
Каждое дерево встретит смертным ожогом ружья.
Горе вам, жены в Мюнхене, Кельне, Берлине!
Не возвратятся с Востока к вашему крову мужья.
Смерть их настигнет, в какую ни прятались щель бы,
Ярость сожжет их, как жжет сорняки суховей.
Горе вам, матери с Одера, Рейна и Эльбы!
Вам не дожидаться с Востока, вам не встречать сыновей.
Не возвратится ваш выводок волчий с Востока.
Орды пришельцев утонут в черной разбойной крови.
Именем жизни клянемся — мстить, истребляя жестоко,
И ненавидеть клянемся — именем нашей любви.

Без конца и без края багровые зарева,
Тяжелы по дорогам чужие шаги.
Что же? Рви, издевайся, ломай, разбазаривай,
Наши теплые гнезда без жалости жги!
Нет пощады ни хрупкому детству, ни старости.
Опозорена дочь на могиле отца...
Не уйдешь ты, палач, от карающей ярости,
Что обуглила русские наши сердца.
Все, что втоптано в грязь, сожжено и загублено..
Синий трупик младенца и мертвый завод,
В русском сердце дымящейся раной зарублено,
Вопиет о расплате, возмездия ждет.
Мы проходим шагами широкими, скорыми,
Чтобы мщенье свершить или мертвыми лечь.
Видишь — Русь над умытыми кровью просторами
Подняла богатырский карающий меч.

* * *

Чтоб снова песнею могучей
Гремел труда победный шаг,
Чтоб в древнем Киеве над кручей
Взвился сквозь ветер красный флаг,
Чтоб над Москвой и Ленинградом
Сверкали мирные огни, —
Срази врага! Добей прикладом
И через труп перешагни.

* * *

Курганами славы покрыта родная равнина.
И Днепр, и Морава, и Висла, и Волга-река.
Ты лжешь, чужеземец, что медленна кровь славянина
Что в грозное время душа славянина кротка!
От нас убегали монгольские орды Мамая,
Солдат Бонапарта мы в наших снегах погребли,
На полчища Гитлера кованый меч поднимая,
Мы грудью прикрыли просторы славянской земли.
От Вислы к Придонью, от Волги до Савы и Дравы
Коврами цветов мы покроем над кровью луга,
Могилы славян вознесутся курганами славы,
И пахаря плуг разравниет могилы врага.

* * *

Подошла война к подмосковью.
Ночь в накале зарев долга.
Будто русской жертвенной кровью
До земли намокли снега.

По дорогам гремят тачанки,
Эскадроны проходят вскачь,
Приготовились к бою танки
Возле стен подмосковных дач,

Стук подков на морозе четче.
В пар укутан блиндажный лаз.
Молодой москвич-пулеметчик
С темной рощи не сводит глаз.

Будто руки окаменели,
Будто вкопан он в грунт, во рву...
Этот парень в серой шинели
Не пропустит врага в Москву.

* * *

Как долга эта зимняя ночь!
Ждать урочного часа невмочь.
Таает в облаке трепетный свет
Осторожных немецких ракет.

Грянет залп — и опять тишина.
А стрелкам в эту ночь не до сна.
Примыкая к винтовкам штыки,
Ждут сигнала атаки стрелки.

Хруснул снег. Покачнулся плетень.
Промелькнула разведчика тень.
Над седой от мороза травой,
Стигнув зубы, стоит часовой.

Шуршит по крышам снеговая крупка.
На Спасской башне полночь бьют часы.
Знакомая негаснущая трубка,
Чуть тронутые проседью усы.

Он наш корабль к победам вел сквозь годы,
Для нашей славы временем храним,
И в эту ночь над картой все народы
В седом Кремле склонились вместе с ним.

На карте фронт узорной вязью вьется,
И он, нацелясь в черные кружки,
Привычным, точным жестом полководца
Отодвигает к западу флажки.

Он встал над фронтом, над Москвой, над нами,
Он руку к западу простер свою:
— Пусть осенит вас ленинское знамя,
Сыны мои, в решительном бою!

* * *

Вот и дни атаки наступили,
Вот и дрогнул гитлеровский сброд,
В белом облаке морозной пыли
Танк несется с грохотом вперед.

Танк рычит на резком развороте,
И из люка танка в гром и грай
Башенный стрелок кричит пехоте:
— Нажимай, родная, нажимай!

* * *

В густом дыму пожаров даль седеая.
Широк великой битвы разворот.
Колонны танков, с флангов наседая,
Неудержимо движутся вперед.

Саперы ищут под хрустящим снегом
Чужих сапер коварные следы.
Из белой рощи конница набегом
Врубается в орущие ряды.

И пехотинцы в грохоте орудий
Идут, не наклоняя головы.
Запомни их, товарищ! Эти люди
Фашистов отогнали от Москвы.

Декабрь по дорогам гонит пургу.
Немецкий мертвец лежит на снегу,
Русская мать с потемневшим лицом
Склонилась над мертвецом,
Глухо сказала, платок теребя:
— Нечем мне, парень, оплакать тебя:
Высохла слез моих горьких река —
Ты заколол моего старика.
Сын у меня единственный был —
Ты его, волчье отродье, убил...

Исковерканы взрывом пути полустанка.
Снег расчерчен следами бесчисленных лыж.
На разбитую башню немецкого танка
По обугленным ребрам взобрался малыш.

Зябка ежась и брови сдвигая упрямо,
Показал на чужих мертвецов у двора:
— Это их за папаню, Серегу и маму
Наши дяди-танкисты побили вчера.

Вот бомбами разметанная гать,
Подбитых танков черная стена.
От этой гати покати́лась вспя́ть
Немецкая железная волна.

Здесь втоптанн в сугробы, целину
Стальные каски, плоские штыки.
Отсюда, в первый раз за всю войну,
Вперед, на запад, хлынули полки.

Мы в песнях для потомства сбережем,
Названья тех сгоревших деревень,
Где за последним горьким рубежом
Кончалась ночь и начинался день.

За нашей спиной Москва

Огня горячее и тверже стали
Отважных бойцов сердца,
По зову вождя мы под знамя встали
Разить ураганом свинца.
Мы дали отчизне своей присягу,
Огнем подкрепим слова.
Вперед! В наступленье! Назад ни шагу!
За нашей спиной Москва.

Над морем хлебов в рассветном тумане,
Как свечи, горят штыки.
Идут москвичи, уральцы, волжане,
Смоленцы, сибиряки.
В солдатских сердцах мы несем отвагу.
Грозна штыков синева.
Вперед! В наступленье! Назад ни шагу!
За нашей спиной Москва

В полях, на лугах, по лесам зеленым
В суровый и грозный год,
Могуч и бесстрашен, стальным заслоном
Встает богатырь-народ.
Верны мы вождю и красному флагу,
В нас гордость отцов жива.
Вперед! В наступленье! Назад ни шагу!
За нашей спиной Москва.

За кровь и пожары, за слезы и горе,
Что в сердце несет страна,
Отплатим кровавой фашистской своре
Огнем и мечом сполна.
Гони их в болотную топь, к оврагу,
Стреляй из каждого рва!
Вперед! В наступленье! Назад ни шагу!
За нашей спиной Москва.

Песня смелых

Стелются черные гучи,
Молнии в небе снуют,
В облаке пыли летучей
Трубы тревогу поют.
С бандой фашистов сразиться
Сталин отважных зовет.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Ринулись ввысь самолеты,
Двинулся танковый строй,
С песней пехотные роты
Вышли за родину в бой.
Песня — крылатая птица —
Смелых скликает в поход.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Славой бессмертной покроем
В битвах свои имена,
Только отважным героям
Радость победы дана.
Смелый к победе стремится,
Смелым — дорога вперед.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Смелый дерется с врагами,
Жизни своей не щадя.
Смелый проносит, как знамя,
Светлое имя вождя.
Смелыми Сталин гордится,
Смелого любит народ.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Двое

Их было двое. Враг их окружал,
Один, крича и плача, побежал.
Четыре вспышки выстрелов блеснули,
И в спину беглеца впились четыре пули.
Другой боец не отступил ни шагу.
Он встретил в лоб орущую ватагу.
Поднявшись в рост над рыжим бугорком,
Спружинив мышцы сильные упруго,
Разил гранатами, колол штыком
И вырвался из замкнутого круга.
Десятерых на месте уложив.
Он жизнь любил. И он остался жив.

Разведчик Пашков

Видно, был я в тот вечер в разведке плох.

Видно, хитростью я ослаб.

Заманили в засаду, взяли врасплох.

Притащили к начальству, в штаб.

«Парабеллум» приставили мне к виску.

— Говори, подлец, не крути!

Сколько красных в лесу?

— Как в море песку!

— Сколько пушек?

— Пойди сочти!

Тут начальник всердцах раскрыл мне бровь,

Приказал щекотать штыком.

— Отвечай на вопросы, собачья кровь,

Не прикидывайся дураком!

В трех соснах, — говорит, — подлец, не кружись.

Отвечай, подлец, не грубя.

Скажешь правду — в награду получишь жизнь,

Утаишь — пеняй на себя...

Если бьют тебя наотмашь, боль сильна.

Это надо, браток, понять.

Я прикинул в уме — дорога цена,

И решил на себя пенять.

Рвали руки мне раз, и другой, и пять...

Били в спину и по плечу.

Мне о том, понимаешь, жуть вспоминать.

Я о том вспоминать не хочу.

Видит главный — пытка меня не берет,

Разорвал протокол со зла.

Дали в руки лопату.

— Топай вперед!

Повели меня из села.

Сам себе я взбивал земляную постель,

И меня торопил приклад.

Для неважных стрелков хорошая цель —
Безоружный красный солдат.
Разомкнули они над могилой кольцо.
Бить в упор — не большая честь!
Сколько вспышек ударило мне в лицо,
Я не мог, понимаешь, счесть.
Я в готовую яму упал ничком.
Под рубахой жжет горячо.
Офицер подошел, ударил носком,
Сверху пулей обжег плечо.
Я лежу, не дышу, мертвяк мертвяком.
Порезали, что амба мне.
Застучали лопаты. Глиняный ком
Холодком прошел по спине.
Закопали в могилу, ушли в село.
Тяжким грузом сдавило грудь.
Шевельну ногами, а ноги свело,
Глиной рот забит, не вздохнуть.
Задохнуться в могиле какая сласть?
Стал пытаться я судьбу-каргу.
И откуда вдруг сила во мне взялась,
До сих пор понять не могу.
Повернулся. Землю руками разгреб,
Сам себя ощупал — живой!
Под ногами холодный глиняный гроб,
Небо в звездах над головой.
Целовал я холодные комья земля,
Уползая к ребятам в лес.
В десять тридцать меня враги погребли,
А в одиннадцать я воскрес.
Через день после первых моих похорон
Я про раны свои забыл,
И опять досылал в патронник патрон,
И своих могильщиков бил.

Дед Талаш

(Посвящается белорусским партизанам)

Над Полесьем ночи мглысты,
Ходить жуть, травой шурша.
Спят немецкие фашисты
В новой хате Талаша.
Сруб сосновый сух, как порох,
Злой огонь сильней свинца.
Часовым не слышен шорох
За плетнем и у крыльца.
Пламя сбило сумрак серый,
Чья-то теиь метнулась прочь.
Не расскажут офицеры,
Что им снилось в эту ночь.

Тлеют звезды над полями,
Синей дымкой лес одет.
С партизанами-сынами
Лег в засаду старый дед.
Ночью выстрелы гремели,
Вражбих конников круша.
На шляху слышали ели
Гневный голос Талаша.
На шляху, где лес и пажить,
Трупы выложены в ряд.
Что тут было? Кто расскажет?
Мертвецы не говорят.

Где шумит лесок зеленый,
Где желтеет житный плес,
Темной ночью эшелоны
Полетели под откос.
На пустынном полустанке
Часовой лежит в пыли.
Партизаны вражьи танки
На стоянке подожгли.

Мимо просек, мимо пасек
Ходит мститель — седой дед,
Легкой тенью внук Михасик
Покрывает дедов след

По болотам, по оврагам,
То в землянку, то в шалаш
Молодым бойцовским шагом
Ходит старый дед Талаш.
Из-за Припяти и Сожа,
Непреклонна и грозна,
Старикам и молодежи
Поступь мстителя слышна.
Дед Талаш не горбит спину,
Пламя бьет из-под бровей.
В бой за «родную крайну»
Дед скликает сыновей.

* * *

Когда мы в поле, на ветру, стоим
И нас встречает ураган свинца,
Как в дни работы, именем твоим
Окрылены солдатские сердца!

Грохочут пушки, и свистит шрапнель,
Но цель ясна, и страха нет в груди.
Твою красноармейскую шинель
Боец в атаке видит впереди.

И перед каждым новым рубежом,
Когда вступает смерть в свои права,
Мы, как святыню, в сердце бережем
Твои простые, ясные слова.

Пусть мы не все под отчий кров придем.
Отца сменяя, сын возьмет ружье.
К победе путь указан мне вождем,
И коммунизм — бессмертие мое.

* * *

Обходя караулы, к снегам припадая,
Целиной, без дорог, под немецким свинцом
В полк пришла по пороше прямая, седая,
С потемневшим от горя суровым лицом.
Рассказала, как сына послали на муку,
Рассказала, как дом на рассвете горел...
Ей полковник пожал узловатую руку,
Вспомнил детство, и обнял, и лаской согрел.
Он провел партизанскую мать перед строем,
Мимо танков и пушек, укрытых в кусты.
Он сказал ей: — Мы новую хату построим.
В палисаднике новом посадим цветы.
Не дадим мы слезе материнской пролиться,
Не продрогнет на холоде старость твоя.
Глянь в глаза нам, запомни повадку и лица.
Все мы — русские, все мы — твои сыновья.

* * *

Мой сын синеглазый!
В тревожные, грозные дни
Прочти эти строки
И в памяти их сохрани.
Я жить, побеждая, хочу,
Но война есть война.
И если фашистская пуля
Мой путь оборвет,
Заменит отца тебе
Наша большая страна,
И сердце мое
В твоей груди оживет.
Я в трудное время
Исполню свой долг до конца.
Тебе не придется краснеть,
Вспоминая отца.

* * *

Стали в августе ночи длинные, темны.
Осень в стекла стучит дождем.
Дочка шепчет: — Мама, дойдем до войны
И его домой приведем.

— Что ты, ласточка! Слышишь, как плачет дождь!
Запутала в дожде луна.
Разве ты его в дальних лесах найдешь?
Ночь сегодня темным-темна.

Спи, забудься, касатка! Дыши легко.
Перепутала ночь пути.
Ты совсем еще крошка. Война далеко,
И тебе до нее не дойти.

Мы в письме нарисуем ручку твою.
А письмо отдадим стрижу.
Хочешь, доченька, песню тебе спою?
Хочешь, сказочку расскажу?

Глухо капли дождя по стеклу стучат.
Пританлся ребенок, смолк...
На добычу поджарых своих волчат
Вывел тощий немецкий волк.

Волк ползет по просторам твоей земли.
Хочет крови твоей добыть.
Чтобы войны наши домой пришли,
Надо злого волка убить.

Твой отец с победой вернется домой,
Приласкает дочку свою.
Ты уснула, пушистый зайчонок мой.
Баю-баюшки, баю-баю!..

* * *

Ветер в чаще лесной поет,
В белом инее сталь штыка.
Получил я письмо твое
Издалёка, издалека.

Будто сразу ушла зима
И весна пришла к шалашу.
Я тепло твоего письма
Неразлучно с собой ношу.

В этой дикой лесной глуши,
Где покоя и крова нет,
Я приветом твоей души
На холодном ветру согрет.

Пусть седая пурга поет,
Пусть декабрьская стужа зла,
В песнях родина нам дает
Щедрый дар своего тепла.

* * *

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

О тебе мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

* * *

Устали... Отчаянный выпал денек!
Шесть танков спалили у склона.
На корточках сидя, заснул паренек
В землянке разведбатальона.

Снаряды кромсают чернильную тьму,
И поле снегами одето.
А парень развежился. Снится ему
Весна, уходящая в лето.

Такая вокруг тишина и покой,
Что слышны сердец перестуки.
Идет он над Волгой, сжимая рукой
Горячие девичьи руки.

Поет соловей на высокой сосне.
Туманы колышутся зыбко.
И улыбается парень во сне
Совсем не военной улыбкой.

По циферблату скользнул огонек.
Час полночи. Час пробужденья.
В ночную разведку ушел паренек,
Согретый теплом сновиденья.

* * *

В полях ревет, по-волчьи зла,
Седой пурги труба,
Под кровлю братства нас свела
Солдатская судьба.

Морщины не сотрешь с лица,
И не солгут глаза.
Сгибала волю, жгла сердца
Железная гроза.

Но на войне, как на войне:
В жестоком, злом году
Плечо к плечу, спина к спине
Встречали мы беду.

Мы все делили на троих —
Сомненья, горечь, труд,
Едва созревший в сердце стих,
Блиндажный наш уют.

Мы ночью верили в рассвет,
Встающий на крови,
Мы знали, что без гнева нет
Ни счастья, ни любви.

И в редкий час, когда вина
Добыть нам довелось,
Мы пили залпом и до дна
За ненависть, за злость.

Тяжелый путь нам веком дан,
Но песню впрок готовь.
Придет пора поднять стакан
За братство и любовь.

ВТОРАЯ ЗАПАДНАЯ ТЕТРАДЬ

1 9 4 2

* * *

В громе яростных битв пролетают над нами
Беспокойные, грозные, трудные дни.
Встань, поэт, перед строем, под красное знамя
И в глаза современникам прямо взгляни.

Ты сопутствовал каждому нашему шагу.
Все мы вместе встречали тревожный рассвет.
Как отчизне на верность приносят присягу,
Присягни нам на песню, окопный поэт.

Все движенья солдатской души карауля,
Кровью сердца пиши нам про наши дела,
Чтобы песня, заклатьем от смерти и пули,
На солдатское верное сердце легла.

Чтобы после великого часа победы
Молодые наследники нашей земли
Песнь о том, как сражались и верили деды,
Красным знаменем славы в века унесли.

Предчувствие весны

Видно, уж нам дорога такая —
Жить на земле от войны к войне.
Плещет речушка, у ног протекая,
Ласточки гнезда вьют на стене.

В золоте полдня сосен верхушки,
Солнца звенящего — край непочат,
А из-за леса тяжелые пушки,
Не уставая, кричат и кричат.

Кто запретит в этот полдень кричать им?
Что им до радостной боли зерна?
Им ведь не слышно, что вешним зачатьем
Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе,
Мы не хотим под ярмом одичать.
Ради цветенья и радости ради
Мы заставляем железо кричать.

Пусть наше время жестоко и дико.
Вытерпи. Землю ногтями не рви.
Мы для детей из железного крика
Выплавим светлую песню любви.

Танки идут в атаку

Суглинок, примятый текучими трапами,
Чернильные тени на желтой траве.
Ступая по пеплу плоскими лапами,
С исходной срываются танки КВ.

Проходят вдоль поймы, вдоль древнего волока,
Сквозь блестящие нити весеннего дня.
От вражьих снарядов, как бронзовый колокол,
Гудит раскаленная боем броня.

В лошине, изрезанной рвами и дзотами,
Танкисты играют со смертью слепой,
И гибнут орудия вместе с расчетами,
Расплющены насмерть тяжелой ступой.

Земля от разрывов взлетает фонтанами
Под небо немислимой голубизны.
Покрытые копотью, рваными ранами,
Трубят, наседая, стальные слоны.

Земля от разрывов взлетает фонтанами
Над речкой, сверкающей жидким стеклом,
Стреляя, крича, поражая гранатами,
Пехота стремительно входит в пролом.

Лучами до ряби в глазах накаленными,
Разбужены травы от зимнего сна.
Шумя на ветру полковыми знаменами,
На запад пошла в наступленье весна.

Первомайская баллада

Поет, пролетая, снаряд
Над прелью весенней земли.
Четвертые сутки подряд
Ресниц мы смежить не могли.

Свистящий осколочный град
И гул от разрывов тупой.
Четвертые сутки подряд
Идем мы кровавой тропой.

Тревожные звезды горят
Над влажной землей в вышине.
Четвертые сутки подряд
Мы путь пробиваем в огне.

Расстрелян последний патрон,
Усталостью пальцы свело,
Но все-таки наш батальон
С рассветом борвался в село.

Взорвался последний фугас,
Смолкает винтовочный лай,
И вспомнили мы, что у нас
Сегодня, с утра, первомай.

И, будто прозревшие вдруг
От темной, как ночь, слепоты,
Увидели мы, что вокруг
Черны от ожогов кусты.

И, будто прозревшие вновь,
В рассветной густой синеве
Увидели свежую кровь
На вешней зеленой траве,

И холод страдальческих губ,
И дикую пляску огня,
И тени обугленных труб
В сверканьи весеннего дня...

Слепящая ярость вперед
Рванула усталых людей.
За речку мы бросились в брод,
По пояс в холодной воде.

Греми, нашей ярости гром,
Штыками преграды ломай!
Вот так мы в сорок втором
Встречаем свой первую.

Скворцы прилетели

Чужих указателей белые стрелы
С высоких столбов срывают бойцы.
Над пеплом сырым, по ветвям обгорелым,
Тревожно снуют погорельцы-скворцы.

К знакомым местам из-за теплого моря
Они прилетели сегодня чуть свет,
А здесь — пепелища в крови и разоре,
Ни хат, ни ребят, ни скворешника нет.

Ну как это птичье бездомное горе
Отзывчивой русской душе не постичь?
Сощуришь от солнца, на вешнем просторе,
Волнуется плотник-сапер костромич.

— И людям мученье и птицам не сладко
На этих пропащих дорогах войны.
Я так полагаю, что новую хатку
Саперы срубить погорельцам должны...

Звенят топоры. Зашуршали рубанки
Над прелью пропитанной кровью земли.
Горелые доски. и старые планки,
И ржавые гвозди в работу пошли.

Червоного золота желтые пятна
Весна разбросала по плоским штыкам.
Сегодня мы плотники. Любо, приятно
Стругать эти доски рабочим рукам.

И кровля и стенки отструганы гладко.
Соленые капли набухли на лбу.
Над пенлом пожарища новая хатка
Уютно белесет на черном дубу.

Мы снова появимся в местности здешней
И дружно, под теплым весенним дождем,
Посадим дубы и под новый скворешник
Венцы человечьей судьбы подведем.

Современники

Мы современники трудного века.
Путь наш начертан полетом свинца.
Мы защищаем честь человека
И беспощадны в бою до конца.

Слушайте, дальние наши потомки,
Слово вступающих с гибелью в спор.
Ночью, в порывах февральской поземки,
К мосту сползает ваш предок-сапер.

Боль обожгла его сердце простое.
Платит он времени страшной ценой.
Руки, сложившие эти устои,
В бездну свергают пролет кружевной.

Слушайте, дальние наши потомки,
Слово того, кому гибель грозит.
Наст прогибается тонкий и ломкий.
Предок-разведчик на лыжах скользит.

Миг неожиданной схватки недолог.
С ходу, гранату поставив на взвод,
Он, жизнетворец, ученый биолог,
Ткани живые осколками рвет.

Войны вести не легко и не просто,
Горько шагать по кровавой росе.
Люди обычного, среднего роста,
Мы жизнетворцы, строители все.

Выбора нам не давала эпоха.
Силой и сталью решается спор.
Вот почему до последнего вдоха
Будет сражаться ваш предок-сапер.

Слушайте, дальние наши потомки,
Песню, которую предок поет.
К свету лицом, раздвигая потемки,
Мой современник с винтовкой встает.

В этом простом и напористом малом
Скрыт титанической силы запас.
Он, опаленный огнем и металлом,
Мир отстоит для себя и для вас.

С л о в о б у д у щ е м у

Сталь кромсает ночную тьму,
Человечью жизнь карауля,
И никто не скажет, кому
Завтра в поле встретится пуля.

Беспокойный мы все народ.
С нами всякое может статься,
И желаем мы наперед
Перед будущим отчитаться.

И свою судьбу и мечту
Огрубелыми голосами
Мы потомкам начистоту,
Без утайки, расскажем сами.

Нам сулили в спины ножи
Проклинающие клануши,
Не жалели яда ханжи,
Чтобы ранить большее души.

Все за то, что в годину бед
Мы уверовали в человека
И пошли за Лениным вслед
Против ветра старого века;

Что дорогу в кромешной мгле
Мы нащупать сами сумели;
Что о рае здесь, на земле,
Мы всерьез помыслить посмели;

Что от всех обуз и помех
Мы сердца свои расковали;
Что для общего счастья всех
Личной радостью рисковали.

Коммунизм — наша жизнь и честь.
Нам не жить при иных режимах.
Принимай нас таких, как есть,
Неуживчивых, одержимых.

Мы в бою познали себя,
Продираясь сквозь холод смерти.
Эту жизнь земную любя,
За нее деремся, как черти.

С гордо поднятой головой
Мы любой ураган встречаем
И за каждый поступок свой
На земном суде отвечаем.

Тот не прячет стыдливо глаз,
Кто для жизни презрел химеры.
Ведь такой, какая у нас,
Нет прочнее и чище веры.

Исповедь воина

Ты так себе в книжку и запиши —
Иван Тимофеев, энская часть.
Был русский по крови и складу души,
Считая отчизной советскую власть;

Что в жизни бывало и дело и чушь,
Однажды стихи написал, например!
Что был он в свободное время не чужд
Томлений души и возвышенных сфер;

Что с немцем сражается с первого дня,
Что в роту, как дуб, корневищами врос.
И хватит...

А нынче волнует меня
Один отвлеченный и личный вопрос.

В окопах мы все перед смертью равны,
Свинец одинаков на вес и на вкус,
И трудно делить нам во время войны
Воззрения наши на минус и плюс.

Здесь вечно волчком возле смерти кружись,
И шансов на верную гибель не счесть.
У ихнего — вера в загробную жизнь
Для сердца, как в комнате форточка, есть.

А мне и не снится райская твердь,
Где жизнь бесконечной рекой потечет.
А мне, если смерть, так действительно смерть—
Со всем и со всеми последний расчет.

Когда пролетают снаряды трубя,
Не тешит мне душу красивый обман,
Но я не кляню ни судьбу, ни себя
За то, что продрался сквозь этот туман.

Едва я глаза, как спросонок, протер,
Поверил в себя и поверил в людей.
Такой перед сердцем открылся простор,
Что стой, очарованный, и холодей.

Все старые чувства вдруг стали новы.
В волнениях хозяйских трудов и забот
Познал я, что волос с моей головы
Без воли моей никогда не падет.

Под ношей забот, на подъемах крутых
Учился терпенью и дерзости я.
Мне судьями были в поступках моих
Лишь благо народа да совесть моя.

Я строю упрямо свой рай на земле.
Я счастье искал, пробиваясь сквозь тьму.
И этот вот штык и пуля в стволе
Его подпирают и служат ему.

В бою, не жалея ни крови, ни сил,
Плачу по счету обиды сполна.
С тех пор как одинажды жизнь полюбил,
Мне стала холодная смерть не страшна.

Поэтому взгляд мой и ясен и чист.
И тверд у плеча трехлинейки приклад
Аз есмь Тимофеев Иван, коммунист,
Воспитанник Сталина, русский солдат.

Никто не посмеет назвать нас убийцами

Скажите мне — кто они: люди ли, звери ли?
Свирепы, безжалостны, сердцем черны.
А мы сызмала в человека поверили
И ныне ему, как солдаты, верны.

Удела невольников смерть тяжелее ли?
Кто друга в бою не поддержит плечом?
На все, что мы долго растили, лелеяли,
Они посягнули огнем и мечом.

В суровое время мы стали суровыми,
И каждый без жалости должен убить
Того, кто грозит нашим детям оковами.
Кто душу народа посмел оскорбить.

Нельзя перед коршуном быть голубицами.
Не льстит нам печальный удел голубиц.
Никто не посмеет назвать нас убийцами
За то, что в бою истребляем убийц.

Связист

Памяти комсомольца Новикова

Он линию едва срastить успел,
Когда, вплетаясь в посвист ветровой,
Чужой свинец пронзительно запел
Над низко наклоненной головой.

Осенний день бесцветен был и хмур.
Дрожал от взрывов подмосковный лог.
Связист зажал зубами тонкий шнур
И за сугроб, отстреливаясь, лег.

Бессилен был руки последний взмах;
Кровь остудил укол свинцовых жал,
Но в белых, крепко стиснутых зубах
Он черный шнур упрямо удержал.

Лишь через час его в снегу нашли.
В больших глазах застыла синева,
Меж мертвых губ по проводу текли
Живой команды твердые слова.

Связист и в смерти не покинул пост,
Венчая подвигом свой бранный труд.
Он был из тех, кто, поднимаясь в рост,
Бессмертие, как города, берут.

Бессмертные

Товарищи твои за поворотом
Скрываются, тесня врага в логу.
Лишь ты один, перед разбитым дотом,
Лежишь, раскинув руки, на снегу.

Лишь ты один, на белом поле боя,
Лежишь, закончив свой последний бой,
И мартовское небо голубое
Эпически просторно над тобой.

В оврагах ахо воет одичало.
Пришельцу мстит за мертвого живой.
Здесь, на снегу, начертано начало
Твоей бессмертной славы боевой.

Из камня благородного изваян,
Прямой, как очертания штыка,
Своей земли защитник и хозяин,
Ты песней доблести войдешь в века.

Д р у ж б а

Константину Симонову

Ты дерзко молод и поныне,
Но лучики у глаз легли
И жгучие ростки полыни
Сквозь ткани сердца проросли.
Как мне знакомо жжение это!
По нем я в памяти найду
Незабываемое лето
В забываемом году:
Смоленский тракт, сухой и гладкий,
Во взбаламученной пыли,
До боли белые палатки
На комьях выжженной земли,
Огнем обугленные шпалы,
Винтовки в скрюченных руках,
Ночные душные привалы
На белорусских большаках.
Ворочаясь на мшистом ложе,
В прошитой бомбами ночи.
Мы слышали, как, сон тревожа,
Сирена в городе кричит,
Как бомбовый горячий ветер
Визжит, разбрызгивая кровь,
Как, плача, жалуется дети
У дымных беженских костров,
Как, вслед трассирующей пуле,
Колелеет ночь железный гул.
Кто от бессонниц тех, в июле,
Не стал немножечко сутул?
В тех днях, расколотых снарядом,
Не сдал, не оступился я.
И было радостно, что рядом
Стояла молодость твоя.
Те дни отчетливей и резче

Железом выжжены в душе.
Смоленский Днепр о берег плещет,
Шурша в пожухлом камыше.
В горячке беспокойных буден
Я Днепр смоленский не забыл.
Быть может, он и тих и чуден
Еще совсем недавно был.
А в эти дни свирепый ветер
Сгибал березы за Днепром,
Был явно слышен на рассвете
Далекий гаубичный гром.
И через Днепр по кромке ила
Шли бесконечные стада.
Здесь дружбой нас соединила
Большая летняя беда.
Черней осенней ночи вести
К нам шли из-за Березины.
И каждый понял — только вместе
Мы этот груз поднять сильны.
Сквозь ночь, казавшуюся адом,
В рассвет поверив горячо,
Мы стали продираться рядом,
Рука к руке, к плечу плечо.
Где все кругом подряд косила
Войны железная коса,
Любви и ненависти сила
Слиwała наши голоса.
Сквозь дым ночей и сумрак серый
Мы бережно несли вперед
Негаснущее пламя веры
В наш русский, в наш родной народ.
А тех, кто верить не устали,
Союзом душ роднит беда.
Такая дружба тверже стали —
Она приходит навсегда.

П и с ь м о

Как волны морские бегут к кораблю,
Вливалась толпа в суматоху вокзала.
Короткое, тихое слово «люблю»
Ты мне, расставаясь, в тот вечер сказала.

Звонки прозвенели. Ушел эшелон
В пространство, от горького дыма густое,
И вместе с вокзалом ушло под уклон
Все близкое, теплое, обжитое.

По цвету петлиц я — армейский сапер,
Ефрейтор по званию и воин по праву.
Ведем мы с врагами отчаянный спор
За мост, за дорогу, за переправу.

Где носится в воздухе рваный металл,
Кипит беспокойная наша работа.
Я долго недели разлуки считал,
Да все перепутал и сбился со счета.

Но чуть поднимает тревога в ружье
И ночью ведет по переднему краю,
Я сердцем и голосом имя твое,
Как слово заклатья, всегда повторяю.

Я не суеверен. Но здесь говорят —
Любимых, по старой солдатской примете,
Не трогает пуля, обходит снаряд,
И верю я в глупые рассказы эти.

А если и мне захлебнуться в крови,
Пусть слово друзей прозвучит приговором:
Он верен был в дружбе и верен в любви,
Ну словом, он был настоящим сапером.

Зимняя сказка

Пушится белый иней на ресницах.
Мороз кренчает, сердце леденя.
Ты дремлешь у холодного огня.
Тебе сегодня дальний город снится.

Все в крупных звездах зеркало реки.
Робки зарниц полночных полыханья.
Ты чуешь близко у своей щеки
Палящий жар девичьего дыханья.

И радостно, и весело, и жутко
От этого внезапного тепла,
Как будто голубая незабудка
Сквозь ледяную корку проросла,

Как будто грома первому раскату
Отозвались баяны вдалеке...
Когда солдат продрог на сквозняке, —
Немного надо для души солдату,

Застольная песня

На совесть отрыта землянка.
Сосновый накат в три ряда.
И хлеб, и консервная банка,
И русская злая вода.

Не скоро мы выйдем из драки
И встретимся в доме своем.
Давайте, за час до атаки,
Паек фронтовой разопьем.

По-братски в железные кружки
Сердитую воду разлей.
То смертью в стальные игрушки
Всем вместе играть веселей.

В неистовом лязге и вое
Мы кружки осушим до дна
За сердце солдата живое,
За будущие времена,

За мужество — наше богатство,
За пушечный грозный набат,
За наше окопное братство
Прямых и упрямых ребят,

За наши рабочие руки,
За радость, за творческий груд,
За время, которому внуки
Сравнений не подберут.

Дороги ведут на запад

Даже ельник на стуже насквозь продрог,
Даже звезды жмутся к луне,
А они идут вперед без дорог,
По сугробам, по целине,

А они идут по пояс в снегу,
В темных чащах торят пути.
От стремительной скорости их врагу
Не укрыться и не уйти.

Ни огонь, ни сталь не страшат молодых,
Ведь в селе, у реки, внизу,
Поседевшие матери встретят их,
Утирая платком слезу,

Ведь навстречу им выйдет из леса дед
С автоматом чужим в руке.
— Дорогие... — шепнет им солдатка вслед
На родном, родном языке.

Кто прошел здесь с мечом, от меча умрет,
Как легла Бонапарта рать.
Каждый куст опаленный зовет вперед,
Каждый мертвый велит карать.

Пусть метель по полям не устанет мстить,
Не собьются полки с пути:
Их на запад ведут любовь и месть,
И врагу от них не уйти.

Н а с т у п л е н и е

Вихря над черствым снегом башлыки,
В немецкий строй врубаясь с двух сторон,
По деревенским гумнам, от реки,
Врага на запад гонит эскадрон.

Вослед летучей ковице рассвет
Идет с востока, золотя клинки,
А у плетня седобородый дед
Стоит и шепчет:
— Добрый путь, сынки!

Возвращение

В громовую песню карающей стали
Вплетен пулеметный крутой говорок...

Я знал вас в июле. Вы в памяти встали
Покрытые пылью военных дорог.
Прошли, отступая, сквозь огненный дождь вы,
Обиду и горечь скрывая в груди.
Казалось — земля прожигала подошвы
И камни кричали: — Не уходи!
Воронки зияли дымящейся бездной.
Прохладой не звал пересохший поток.
Вы честно сражались. Но ветер железный,
Крепчая, теснил и теснил на восток.
Вы приняли горечь смертельной отравы.
То жженье в сердцах и поныне свежо.
Я помню — минер, подорвав переправы,
Кричал, обернувшись на запад:

— Ужо!

Ужо мы за все расквитаемся с вами.
Ужо мы вернемся...

Бессилен и мал.

Он пал на колени в обугленной яме
И жаркую землю в слезах обнимал.
Бессчетны походные ваши становья.
Обид и могил на дорогах не счесть.
Победный декабрь на полях подмосковья
Прославил оружия русского честь.
На запад уходят военные грозы,
Забрезжили близко Днепра берега.
За ваши мужские, июньские слезы
Сугробы окрашены кровью врага.
Вас эти дороги знакомые ждали,
И ждали деревни, одетые в чад.

— Мы ждем вас,—
 кричат - оскверненные дали,
И камни:
 — Убей! —
 из-под снега кричат.

Вперед — Белоруссия

Как близко, как знакомо все кругом!
Полки идут, широкий след стеля,
Туда, где под немецким сапогом
Томится белорусская земля.

Идут через овраги и леса,
Идут от высоты до высоты.
Встречают их родные голоса:
— День добрый вам, желанные братья!

И слышат наши русские сердца
Полей и роць опустошенных грусть.
Не убежит от ярости свинца
Мучитель твой, родная Беларусь!

Встреча

Хрустит снежок, морозный, жесткий,
Взбегают сосны на бугор.
Сквозь лес, минуя перекрестки,
На запад держит путь дозор.
Таятся лисы в снежных норах.
За тучей «Юнкерс» воет зло.
Дозорный ловит каждый шорох,
Входя в отцовское село.
Здесь с детства все ему знакомо,
Здесь тропка каждая мила.
Был дом родной. Не стало дома:
И детства нет. И нет села
По пепелищу ветер рыщет.
Под серым пеплом черный сруб.
На тополе, над пепелищем,
Качается тяжелый труп.
Качается понурый, свинный,
Опоры нет ему нигде.
Сжат черный рот, и белый иней
Застыл в дремучей бороде.
Как над открытою могилкой,
Дозорный сгорбился скорбя.
Он глухо шепчет: — Батя... милый..
Хороший... как они тебя..
И, пересиливая муку,
Он гладит зипуна обшлаг,
Целуя ледяную руку.
Упрямо сжатую в кулак.
А русский снег кругом, как море.
А даль зовет — пора итти!
И он идет вперед. И горе
Тому, кто встанет на пути.

Возмездие

Дегей убил и дом поджег,
К своим, на запад, убегая,
Но вилы подсекли прыжок,
И шею жмет петля тугая.

Хрипящего, подняв с земли,
Набив за пазуху солому,
Шесть русских женщин повели
Его к пылающему дому.

Он слезы труса не утер,
Моля и воя оготело.
Шесть женщин бросили в костер
Его увертливое тело.

Глушил далекий пулемет
Его предсмертные рыданья...
Лишь тот жестокость их поймет,
Кто знает меру их страданья.

Клятва над кровью

До полей подмосковья от Березины
Я прошел по дорогам войны.
Много горечи жгучей на сердце легло, —
Как поднять эту тяжесть сердце могло?
Я видел, как пылали в ночи города;
Как тянулись гуртами к востоку стада;
Как смолкали над нивами птиц голоса;
Как зверье покидало родные села;
Как в расплавленном мареве, в едкой пыли
Толпы беженцев, горем прибитых, брели;
Как в полях, осененных июльским теплом,
Смерть витала над ними холодным крылом.
Не забуду, пока я живу на земле,
Крючья черных крестов на железном крыле.
Слышал я по ночам леденящие кровь
Плач и стоны малюток у дымных костров.
Слышал я, как вплетались в гром батарей
Причитанья сраженных тоской матерей.
Детской кровью дымились пути на восток.
Как свидетелей сердца на суд позови —
Молодечно и Брест, Волковыск, Белосток,
Слоним, плававший в детской невинной крови.
Те, кто выжгли из сердца и совесть и честь,
Лили кровь из ребячьих разорванных жил.
На дорогах народного горя не счесть
Безыменных, затерянных детских могил.
Помню — лес белорусский в полдневной красе.
Чуть трепещет под ветром кленовый листок.
На клубящемся пылью оршанском шоссе
Человечьего горя бескрайный поток,
И над плачем детей, над мычаньем коров,
Над примятой ногами пожухлой травой
Возникает моторов пугающий рев,

Посвист пуль и пронзительный бомбовый вой.
«Мессершмитты» ушли за сосновый лесок
С воем, волчьего воя лютей.
Разрывая ногтями горячий песок,
Хоронили живые убитых детей.
Подойди к матерям!

Загляни в их глаза.

Им в сверкающий солнечный полдень темно.
Не смягчит материнского горя слеза,
Если горькие слезы иссякли давно.
На дорогах войны, под немецким свинцом,
Продираясь сквозь бомбовый чад,
Поднимаются тени, на запад лицом,
Криком сердца о мщеньи кричат.
Если был ты на крестном народном пути,
Слышал зверя железного рык,
Никогда не забудь, никогда не прости
Этот, сердцем исторгнутый крик.
Можно снова из пепла поднять города,
Песней радость строительства взвить,
Но убитых детей не вернуть никогда.
Раны сердца не заживить.
Слышу девочки раненой жалобный стон,
Сироты бесприютного плач.
Наша месть бесконечна, как смена времен.
Не уйдешь ты от мести, палач!
Ярость в сердце народном клокочет ключом.
Слушай воинов, родина-мать:
Мы клянемся над кровью —
Огнем и мечом
Наше будущее отстоять!

Девушки нашей страны

Быть может, и статней и краше
Других ты встретишь на пути,
Но девушек таких, как наши,
Во всей вселенной не найти.

Где конник звякнет стременами,
Где вихрь войны трубит трубой,
В шинелях серых, рядом с нами,
Идут девчата в смертный бой.

Когда палач ломает руки
И путь на виселицу крут,
Они на гибель и на муки
Солдатской поступью идут.

Они не дрогнут под снарядом
И сквозь железную пургу
Глядят прямым и дерзким взглядом
В глаза надменному врагу.

Кто видел молодость чудесней?
Чья ярче, радостней весна?
Уже сегодня стали песней
Их молодые имена.

Звенит курантами Кремля
Их верности стальная сила.
Благословенна та земля,
Что девушек таких взрастила.

Т а н я

Расстались они у лесного костра.
— Прощайте, подружки! В дорогу пора.
По отблескам паров, по вспышкам огня
В ночной темноте узнавайте меня.
Ноябрьская полночь поземкою бьет,
А девушка Таня идет и поет:
«Уж враг отступает пред нашим полком.
Какое блаженство быть храбрым бойцом!»

Багровыми бликами рдеют снега,
Пылают в округе берлоги врага.
Здесь Таня на крыльях метели прошла.
И след ее легкий пурга замела.
У края деревни, в ненастной ночи,
Схватили, скрутили ее палачи.
Огнем прожигают, прикладами бьют,
По черствому снегу нагую ведут.
Молчанья враги победить не могли
И девушку Таню на казнь повели.
Вокруг шеи тугая петля обвилась,
Змеинными жалами в горло впилась.
Над смертью, сквозь вьюгу седую и дым,
Она прокричала друзьям молодым:
— Не страшно мне гибнуть за русский народ.
Боритесь, товарищи! Сталин придет!
Над свежей могилой поземка вьюжит.
В могиле отважная Таня лежит.
Как солнце весны, молода и светла,
За родину юность она отдала.
На запад с боями проходят полки,
И девичья песня равняет штыки:
«Уж враг отступает пред нашим полком.
Какое блаженство быть храбрым бойцом!»

Партизанка Лиза

Белая березанька у хаты
Наклоняла ветви до земли.
Мимо хаты пьяные солдаты
В город Пено девушку вели.

Болью сердце девичье томили
И огнем пытали и водой.
Никакие муки не сломили
Верность партизанки молодой.

Были ветра горькие заплачки
В эту ночь осеннюю долги.
На путях, у старой водокачки,
Расстреляли девушку враги.

Мать-отчизну девушка любила,
Для нее дышала и жила,
И на свете никакая сила
Сбить ее с дороги не могла.

Солнце мая сгонит саван белый,
Зашумит весенняя трава,
Вечно в песнях молодости смелой
Будет Лиза Чайкина жива.

Девушке в шинели.

Вспомни ночь метельную, шальную,
Вспомни домик на краю села.
Как в семью знакомую, родную,
Ты в блиндаж к разведчикам пришла.
Ты вошла уверенно и просто
В круг солдатской дружбы фронтовой,
Девушка в шинели не по росту,
Дорогой товарищ боевой.

Нас метель несла на крыльях белых
По полям заснеженным вперед.
Ты, среди отчаянных и смелых,
Шла с гранатой на немецкий дот,
И в лицо непрошенному гостю
Несся гневный, дерзкий окрик твой,
Девушка в шинели не по росту,
Дорогой товарищ боевой.

Ты проходишь, плечи не сутуля,
Самым смелым равная в бою.
Не посмеет вражеская пуля
Посягнуть на молодость твою.

Долго будут помнить нашу поступь
Снеговые дали под Москвой.
Девушка в шинели не по росту,
Дорогой товарищ боевой.

Песня о слепом баянисте

*Посвящается Мише Попову, слепому баянисту
воздушно-десантной бригады им. Кирова*

За п е в

Немного в жизни надо нам.
Мы мертвым полем шли
И в поле том негаданно
На песню набрали.

Солдатских дум избранница,
Она и здесь жива,
И здесь к ней сердце тянется,
Как к солнышку трава.

Над песней ветер крутится —
Задира и буян,
Сквозь снежную распутицу
Ее ведет баян.

Старинная, не новая,
Она цветет в груди, —
Ведь зарево багровое
За Нарой, впереди,

Ведь снег чернеет пятнами,
А за спиной Москва...
И стали вновь понятными
Старинные слова.

Огонь метнулся и погас
В кустах, между ветвей.

«Настал, настал тяжелый час
Для родины моей».

«Настал, настал тяжелый час
Для родины моей.
Молитесь вы, женщины,
За ваших сыновей».

Сечет струя упрямая
По снежной целине.
«Трансваль, Трансваль,
Страна моя,
Ты вся горишь в огне».

Осколки падают к ногам,
А с песней ночь тепла.
Откуда ты в железный гам
К нам в гости забрела?

Песня первая

Шуршит свинец в нежатой ржи,
В некошеной траве.
Мы защищаем рубежи
На подступах к Москве.

Над речкой Нарой черный дым.
Сечет железный град.
А мы по грудь в земле сидим
И ни на шаг назад.

Невзрачен день, а ночь длинна,
А непогода зла.
В такую непогодь война
К нам гостя привела.

Пришел парнишечка чудной
В наш неуютный стан.
Тяжелый ящик за спиной,
В том ящике баян.

Сосновой палкой впереди
Нашупывает путь.
Зовет и просит: — Проводи
К бойцам куда-нибудь!

Я на дожде насквозь промок,
Шагая налегке.
Мой подмосковный городок
Отсель невадалеке.

Мне не держать в руках ружье —
Глаза мои темны,
Но сердце зрячее мое
Не терпит тишины.

Быть может, песенка моя
Придется ко двору!
А если надо будет — я
Со зрячими умру.

Рабочей, золотой души
Был комиссар у нас.
Сказал он писарю: — Впиши
Товарища в приказ.

В полях, освистанных свинцом
Военных непогод,
Баян зачислен был бойцом
В стрелковый первый взвод.

С дороги тропка завилась
В блядужную нору,
И вправду — песенка пришла
Бригаде ко двору.

Песня вторая

Поднявшись спозаранку,
Товарищ наш слепой
Все ходит по землянкам
Натоптанной тропой.

На черный ящик сядет,
— Концертник, что ли, дам?
Ремень к плечу приладит,
Ударит по ладам.

День гулко рвется миной,
Снарядом воеет зло.
А с песенкой старинной
Не страшно и тепло.

Средь боевого шума
Напев высок и чист...
— О чем на сердце дума,
Товарищ баянист?

— Подсядь ко мне поближе.
Про молодость свою,
Про все, что сердцем вижу,
Я песенку спою.

За прибережной кручей
Угрюмые леса.
Баян ты мой певучий,
Стальные голоса.

За прибережной кручей
Сожженные сады.
Баян ты мой певучий,
Послушные лады.

Над прибережной кручей
На ветлах воронье.
Баян ты мой певучий,
Оружие мое.

У края жизни смело
Лады баяна тронь,
И кажется — запела
Далекая гармонь.

Мила она, как вести
О дальней стороне,
Как вести о невесте,
О друге, о жене.

И кажется — в небесной
Холодной вышине
Душа летит за песней
К потерянной весне.

Та песенка простая
Понятна и близка,
И тает, отлетая,
Окопная тоска.

Тоска, как льдинка, тает,
И не страшна пурга.
Подснежник прорастает
Сквозь черные снега.

Поля росой умылись,
Ручьи светлей слюды,
И зеленью покрылись
Сожженные сады.

Играй, баян мой старый,
О солнце и весне
Над русской речкой Нарой
В железной тишине.

Песня третья

Не долго до рассвета
Над лесом стыть луне.
Зеленая ракета
Сгорает в вышине.

Морозные иголки
Летят с большой сосны,
Как ломкие осколки
Разбитой тишины.

Взлетели из метели
Железные стрижи.
Землянки опустели,
Притихли блиндажи.

Огня струей багровой
Кустарник опален.
В ружье, на смерть готовый,
Поднялся батальон.

Все ближе рев и топот,
Все резче ветра свист.
Наощупь из окопа
Выходит баянист.

Сечет свинец горячий,
Над полем сталь гудет,
А он вперед, как зрячий,
Уверенно идет.

Над полем небо в звездах.
От залпов ночь глуха.
Баян глотает воздух
В просторные меха.

В снегах лощины тесной,
Где берег Нары крут,
Сквозь смертный вихрь за песней
Товарищи идут.

Провыла мина волком,
Рассвет качнулся, мглист,
И, раненный осколком,
Споткнулся баянист.

Но в грохоте и вое
Та песня не умрет.
К слепцу подходят двое,
Ведут его вперед.

Как ураган на воле,
Как снежных глыб обвал,
Бушует в мертвом поле
«Интернационал».

Звонит над болью жгучей
И гонит забытье...
Баян ты мой певучий,
Оружие мое!

СОДЕРЖАНИЕ

Северная тетрадь

<i>Шелестит за окном молодая листва</i>	5
<i>Время, что ли, у нас такое?</i>	6
<i>Домик наш мал, продырявлен пулями</i>	7
<i>Лица в ожогах мороза</i>	8
<i>Друг мой! В таежной ночной тишине</i>	9
<i>Сердце бьется тревожно :</i>	10
<i>Дорогая, хорошая, сердце мое!</i>	11
<i>Он не стонал</i>	12
<i>Живнь в этом доме больше не жилища</i>	13
<i>Звенит под лыжами стеклянный наст</i>	14
<i>Пусть железо сечет с высоты</i>	15
<i>Было холодно, было невесело</i>	16
<i>В три часа пополуночи</i>	17
<i>Белый снег мели халаты белые</i>	18
<i>Осторожно пощупал — кисет не промок</i>	19
<i>Снегом нашу уютную обитель</i>	20
<i>Еловая ветка, в костре догорая</i>	21
<i>Кружилась метель возле тощих берез</i>	22
<i>Мандолина выводит тоненько, тоненько</i>	23
<i>Тела друзей разметаны во сне</i>	24
<i>Поднимаясь за облако круто</i>	25
<i>Полк вступает в войну</i>	26
<i>В новогоднюю ночь</i>	28
<i>Баллада о политруке</i>	29
<i>Смерть Крохмалева :</i>	31
<i>Похороны комиссара</i>	33
<i>Николай Майборода</i>	35
<i>Ночники</i>	37
<i>Валентина</i>	39
<i>Подарок</i>	41
<i>Сестра</i>	43

Первая западная тетрадь

Детей не ждет тепло родного крова	44
Лес притаился, безмолвен и строг	45
Толпы людей без конца и числа	46
Дороги дальние пыльны	47
Пройдя сквозь строй железных гроз	48
Он мне сказал, отходя ко сну	49
Сказав убитому: «Лежи, дружок!»	50
Человек склонился над водой	51
В пустых дворах бездомный ветер рыщет	52
Грузовики, рыча, неслись куда-то	53
Опять этот долгий прерывистый вой	54
Как птиц к разбитому гнездовью	55
Враг вошел в мой дом и разбил	56
Над выжженной землею пыль клубится	57
В смертном ознобе под ветром трепещет осина	58
Без конца и без края багровые зарева	59
Чтоб снова песнею могучей	60
Курганами славы покрыта родная равнина	61
Подошла война к подмосковью	62
Как долга эта зимняя ночь!	63
Шуршит по крышам снеговая крупка	64
Вот и дни атаки наступили	65
В густом дыму пожаров даль седая	66
Декабрь по дорогам гонит пургу	67
Исковерканы взрывом пути полустанка	68
Вот бомбами разметанная гать	69
За нашей спиной Москва	70
Песня смелых	71
Двое	72
Разведчик Пашков	73
Дед Талаш	75
Когда мы в поле, на ветру, стоим	77
Обходя караулы, к снегам припадая	78
Мой сын синеглазый!	79
Стали в августе ночи длинные, темны	80
Ветер в чаще лесной поет	81
Бьется в тесной печурке огонь	82
Устали... Отчаянный выпал денек!	83
В полях ревет, по-волчьи зла	84

Вторая западная тетрадь

1942

В громе яростных битв пролетают над нами . . .	85
Предчувствие весны	86
Танки идут в атаку	87
Первомайская баллада	88
Скворцы прилетели	90
Современники	92
Слово будущему	94
Исповедь воина	96
Никто не посмеет назвать нас убийцами	98
Связист	99
Бессмертие	100
Дружба	101
Письмо	103
Зимняя сказка	104
Застольная песня	105
Дороги ведут на запад	106
Наступление	107
Возвращение	108
Вперед! — Белоруссия	110
Встреча	111
Возмездие	112
Клятва над кровью	113
Девушки нашей страны	115
Таня	116
Партизанка Лиза	117
Девушке в шинели	118
Песня о слепом баянисте	119

Редактор А. Мясников.

Подписано к печати 15.I 1943 г.
А 61314. 4 печ. л. 3,62 уч.-ав. л.
Зак. 117. Тираж 25000 экз.
Цена 2 р. 75 к.

Набор типографии „Известия“,
Пушкинская пл., 5.
Отпечатано с матриц в типографии
„Искра революции“,
Арбат, Филипповский пер., 13.

2 р. 75 к.